

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2022.1.33.5

УДК 316.334.2 | ББК 60.56

© Пасовец Ю.М.

ТРУДОВАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА ПАСОВЕЦ

Курский государственный университет

Курск, Российская Федерация

e-mail: yulia_pasovets@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3626-7933; ResearcherID: M-4801-2017

В работе в рамках антропосоциокультурного подхода к исследованию региональных сообществ предлагается рассматривать трудовую активность жителей макрорегиона в двух проекциях: социетально-функциональной – как занятость населения и ее структуру и антропосоциетальной – как трудовую мотивацию. Цель исследования заключается в выявлении и анализе специфики структуры занятости и трудовых мотивов населения российского макрорегиона, их согласованности на примере Центрального Черноземья. Оригинальность постановки и решения этой задачи связана с обращением к анализу трудовой активности россиян на уровне макрорегиона и включенных в его состав регионов, вводом в научный оборот новых эмпирических данных и определением на их основе специфики трудовой мотивации населения макрорегиона, ее сопоставлением с объективными тенденциями изменений региональной структуры занятости. Эмпирическую базу исследования составляют данные государственной статистики и результаты массового опроса населения, проведенного при личном участии автора в сентябре – октябре 2020 года в Воронежской, Курской и Липецкой областях (N = 1200 человек) методом полуструктурированного интервью. В социетально-функциональной проекции трудовой активности населения макрорегиона выделяются характеристики структуры занятости, обусловленные произошедшими структурными изменениями региональных рынков труда: преобладание занятости как в традиционных для Центрального Черноземья сферах обрабатывающих производств и сельского хозяйства, так и в сфере торговли, ремонта, а также занятости в частном секторе экономики. Проявленная в антропосоциетальной проекции трудовая мотивация населения макрорегиона отличается преобладанием патерналистских трудовых ориентаций

(на занятость в государственном или частном секторе экономики и стабильный небольшой заработок) и незначительной распространенностью рыночных мотивов труда (с ориентацией на занятость в частном секторе экономики и более высокую оплату). Это свидетельствует о несогласованности между субъективными устремлениями в сфере труда и занятости и объективными тенденциями развития этой сферы макрорегиона, что требует разработки комплекса управленческих мероприятий и мониторинга в дальнейших социологических исследованиях.

Трудовая активность, занятость, трудовая мотивация, регион, макрорегион, Центральное Черноземье, российское общество.

Введение

Актуальность исследования трудовой активности населения в российских регионах и макрорегионах определяется необходимостью выявления специфики структуры занятости и трудовой мотивации россиян, соотносительности субъективных трудовых ориентаций с объективными тенденциями структурных изменений занятости с учетом особенностей социально-экономического развития определенной территории. В настоящее время в России, как и в большинстве стран мира, происходят существенные структурные изменения рынка труда, связанные с развитием рыночных экономических отношений, частной инициативы и самозанятости, прекарной (неустойчивой) занятости, сферы услуг и т. д., что оказывает непосредственное влияние на трансформацию структуры занятости, ее реструктуризацию и трудовую активность людей. В этом контексте особую научно-практическую значимость приобретает изучение структуры трудовой мотивации (предпочтений, установок, мотивов и др.), отражающей специфику экономического сознания россиян и регулирующей трудовое поведение населения, а также согласованности доминирующих трудовых ориентаций с тенденциями развития региональных экономик. При этом в российской действительности наблюдается значимая пространственная асимметрия общества, проявляющаяся в социально-экономической и социокультурной дифференциации макрорегионов, регионов и местных сообществ, что обуславливает потребность в исследовании трудовой активности населения в региональном измерении.

Анализ современного состояния исследований в данной области показывает, что

в последнее время изучение структурных изменений национальных и региональных рынков труда, трудовой активности населения и мотивации труда занимает ключевое место в работах зарубежных и российских экономистов и социологов. Исследователями выявляются и анализируются тенденции структурной трансформации рынков труда в странах мира с разным уровнем социально-экономического развития и разными типами политических систем. При этом уделяется внимание анализу факторов перемен, происходящих в сфере труда и занятости, новых характеристик социально-трудовой сферы общества и возникающих вместе с ними проблем. Так, И.Л. Сизова и И.А. Григорьева в числе факторов трансформации труда в западных странах называют усиление конкуренции и либерализации экономических отношений, глобализацию, цифровизацию, гендерную трансформацию и иные процессы, которые приводят к неоднозначным инновациям в сфере труда: прекаризации (неустойчивости) и поляризации занятости (с формированием двух полюсов – высококвалифицированных работников и простой рабочей силы), субъективизации работника и другим последствиям, обуславливающим ломкость труда и занятости (Сизова, Григорьева, 2019). Как отмечают С. Alvarez-Alonso, A.S. Rodriguez и F. Debasa, на сегодняшний день ключевыми факторами изменений интенсивно развивающегося рынка труда в Китае являются внутренняя миграция рабочей силы, привлекательность ее доступности и дешевизны для иностранных инвесторов, однако эти изменения сопровождаются рядом острых проблем в сфере социально-трудовых отношений, связанных с неблагоприятными

ми условиями труда и уязвимостью трудовых прав работников (Alvarez-Alonso et al., 2018). Анализируя динамику рынка труда в Бразилии в последние годы, A.P.F. Colombi и J.D. Krein обращают внимание на неоднородность происходящих изменений: рост неоднородности бразильского рынка труда и его гибкости приводит к усилению незащищенности и уязвимости рабочих, вынужденных соглашаться на непривлекательную работу в целях занятости и получения доходов (Colombi, Krein, 2020).

В докладе сотрудников НИУ ВШЭ указано, что в настоящее время специфика российского рынка труда в отличие от большинства развитых стран определяется его приспособлением к колебаниям экономической конъюнктуры за счет изменений в размере оплаты труда работников, а не уровня занятости и безработицы. В силу этого экономические кризисы ведут к снижению заработной платы занятых в экономике при сохранении высокого уровня занятости и низкого уровня безработицы среди населения. Результатом утверждения такой модели стало расширение неформальной занятости населения, где сосредотачивается в основном низкотехнологичный и социально незащищенный труд (Гимпельсон и др., 2017). Наряду с масштабированием неформализации трудовых отношений в числе новых угроз для воспроизводства трудового потенциала в современной России исследователи ВолНЦ РАН называют прагматизацию ценностных ориентаций населения, снижение уровня развития когнитивного и творческого потенциала и ряд других (Шабунова и др., 2017а).

Как показывает A.L. Kalleberg, либерализация рынков труда в современных странах приводит к изменениям занятости, создавая множество нестандартных трудовых отношений и увеличивая число людей, не имеющих традиционных работодателей. Это порождает неопределенность на рынках труда и трудности в получении прочных позиций на них (прекарность (неустойчивость) занятости), основная тяжесть которых ложится на молодых работников в различных регионах как Глобального Севера, так

и Глобального Юга (в Азии: Китае, Южной Корее, Гонконге, на Кавказе и в Центральной Азии; Латинской/Южной Америке: Мексике, Бразилии; Восточной Европе (Литве); Западной Европе; США) (Kalleberg, 2020). По данным исследования, проведенного под руководством В.Н. Бобкова, в современном российском обществе высокие риски прекарности занятости характерны не только для молодежи, но и для других социальных групп населения: старшего поколения, женщин, работников с низкой квалификацией, а также, несмотря на более высокий уровень занятости, в среде лиц с высшим образованием. Уровень образования не выступает защитой от безработицы (Бобков и др., 2017).

В современных странах как с развитой, так и формирующейся рыночной экономикой, в том числе России, риски оказываются особенно острыми для занятых в частном секторе экономики: работающих по найму, самозанятых и ведущих предпринимательскую деятельность. При этом отмечается, что даже для развитых стран проблема рисков прекарной (неустойчивой) и неформальной занятости и незащищенности работников в частном бизнесе, включенных в эти трудовые отношения, прежде всего тех, кто работает по найму, является острой (Purser, 2019; Torres Marín, 2020). Так, основываясь на данных этнографических исследований в агентствах дневного труда Балтимора и Окленда, G. Purser описывает практику «черного хода» («backdoor») в найме, когда работодатели нанимают работников из агентства, но не через него, договариваясь с диспетчерами и самими работниками в обход письменных обязательств. Наряду с этим он фиксирует упорные попытки диспетчеров культивировать зависимость работников, ограничивать их мобильность и свободу на рынке труда, что еще больше ущемляет права наемного труда (Purser, 2019). В свою очередь в ходе анализа численности и состава самозанятых в Испании в 2008–2013 гг. A.J. Marín Torres делает выводы о большой уязвимости самозанятых в период экономического кризиса, связанной с сокращением их доли в ряде сфер экономики, усилением нестабильно-

сти контрактов и заработка, изменением их социально-демографического и профессионального профиля в сторону увеличения доли мужского населения, с более высоким уровнем образования и опытом работы в отрасли (Torres Marín, 2020). На материалах RLMS-HSE П.М. Козырева раскрывает трудности малого предпринимательства и связанной с ним самозанятости населения в современных российских условиях: частые изменения условий хозяйственной деятельности, ограниченность доступа к ресурсам для поддержки предпринимательской деятельности, постоянное давление и конкуренция со стороны крупных компаний и другие проблемы, делающие эту форму занятости малопривлекательной для россиян (Козырева, 2015).

Наряду с изучением структурных изменений рынка труда и занятости населения современные зарубежные и российские авторы уделяют внимание выявлению специфики трудовой мотивации работников, факторов влияния на ее формирование в новых условиях и ее взаимосвязи с производительностью труда, его качеством. Так, на основе анализа данных по Швеции и европейским странам J. Westerman обосновывает необходимость исследования такого компонента трудовой мотивации, как вовлеченность работника в выполнение задачи, ее роли в возникновении неравенства на рынке труда, и раскрывает три механизма ее благоприятного влияния на производительность труда: большая сосредоточенность индивида на рабочем процессе, его большая заинтересованность в мастерстве и решении возникающих проблем, сильная ориентация на качество продукции (Westerman, 2018). В результате изучения взаимосвязи трудовой мотивации и производительности труда у рабочих на строительных площадках Индии S. Johari и K.N. Jha приходят к выводам о незначительном воздействии внешней материальной мотивации на производительность труда большинства опрошенных, но в то же время о существенном влиянии других видов мотивации (внешней социальной мотивации; интроецированной регуляции; идентифи-

кации) на желание человека остаться и работать на одном конкретном объекте и его производительность труда (Johari, Jha, 2020).

С учетом специфики социокультурной эволюции России в исследованиях отечественных социологов трудовая мотивация населения рассматривается в контексте ее трансформации в постсоветский период, а также особенностей российского экономического менталитета в целом. Проявляется интерес исследователей к изучению степени распространенности среди россиян рыночно-ориентированных и нерыночных мотивов труда, патерналистских ожиданий в сфере регулирования социально-трудовых отношений. Например, на основе результатов опросов, осуществленных в Новосибирской области (2005–2014 гг.), М.Р. Зазулина показывает распространенность среди сельского населения установки на патернализм как во властных, так и в экономических отношениях, значимость для многих селян государства как ключевого адресата патерналистских ожиданий. Она называет данный феномен сельским патернализмом и обозначает тенденции его трансформации в постсоветский период: смещение патерналистских ожиданий от региональной к местной власти при сохранении ожиданий поддержки от федеральной власти (государства), от экономических структур (предприятий) к политическим институтам (местным властям) (Зазулина, 2019). Рассматривая эволюцию патернализма в России от его патриархального типа в новое время до корпоративного типа в современных реалиях, А.Л. Темницкий утверждает, что для российской цивилизации характерен патернализм в сфере труда. Посредством анализа эмпирических исследований он выделяет ряд патерналистских установок и практик российских работников, которые в настоящее время становятся серьезным барьером для дальнейшей эволюции трудовых отношений в условиях рынка (Темницкий, 2015).

В последние годы ученые стремятся осмыслить содержание трудового поведения и мотивации россиян, в том числе отдельных социальных общностей населения (работ-

ников, женщин, молодежи и др.), в контексте современных трендов. В исследовании трудовой деятельности российских работников, проведенном коллективом авторов, отмечается противоречивость изменений в сфере труда: на фоне доминирования материалистических ценностей обнаруживаются профессионально-отраслевые различия в ключевой значимости для работников ценностей, ориентированных на личностное развитие (Эфендиев и др., 2020). На основе данных мониторинга по Вологодской области А.А. Шабунова, А.В. Попов, Т.С. Соловьева раскрывают отличия трудового потенциала женщин по сравнению с мужчинами, проявляющиеся в том числе в большей распространенности среди женского населения ориентации на получение невысоких, но гарантированных, стабильных доходов на государственном предприятии, и в меньшей – стремления к трудоустройству на коммерческом предприятии и ведению собственного бизнеса (Шабунова и др., 2017b). Можно констатировать, что рассмотрение динамики трудовых ориентаций и мотивов населения и особенно их современного состояния, отличающегося неоднородностью, составляет одно из самых актуальных направлений социально-экономических исследований как на общероссийском, так и на региональном уровне.

Проблематика занятости и трудовой деятельности населения российских регионов и макрорегионов образует одно из направлений исследований в рамках научной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (рук. чл.-корр. РАН Н.И. Лапин). Полевая часть исследования проводится на основе типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России», разработанных Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой (Лапин, Беляева, 2010). За 30 лет реализации данной научной программы проведен ряд масштабных региональных исследований, результаты которых нашли отражение в фундаментальных коллективных и авторских трудах (Атлас модернизации России..., 2016).

Исходя из анализа результатов предшествующих разработок в данной предметной

области, можно заключить, что исследование трудовой активности населения, специфики занятости и мотивации труда в измерении отдельных регионов и макрорегионов России оказывается востребованным в силу необходимости научного осмысления происходящих изменений в этой сфере, а также из-за сохранения значимой пространственной асимметрии российского общества (Пасовец, 2015). В связи с этим цель работы заключается в выявлении и анализе специфики структуры занятости и трудовых мотивов населения российского макрорегиона, их согласованности на примере Центрального Черноземья. Оригинальность постановки и решения задачи связана с обращением к анализу проблематики трудовой активности россиян на уровне макрорегиона и включенных в его состав регионов; вводом в научный оборот новых эмпирических данных и определением на их основе ключевых характеристик субъективного отношения к труду, трудовой мотивации населения макрорегиона; их сопоставлением с объективными тенденциями изменений в региональной структуре занятости.

Методология и методика исследования

Социологическое исследование, результаты которого представлены в статье, реализуется в рамках вышеназванной научной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», где содержательные итоги конкретных исследований предстают в виде социокультурных портретов российских регионов и макрорегионов. Наряду с системным, структурно-функциональным, социально-экономическим, социокультурным подходами теоретико-методологическую основу исследований по данной программе составляет антропосоциетальный подход, разработанный Н.И. Лапиным (Лапин, Беляева, 2010). По замыслу его создателя, именно антропосоциетальный (антропосоциокультурный) подход, выступая современной антроподеятельностной модификацией социокультурного подхода, позволяет реализовать комплексное ис-

следование региона и макрорегиона как социально-территориального сообщества, имеющего свою социокультурную и социально-экономическую специфику, отразить антропосоциетальный процесс как изменение характера соотношения личности и общества и социетально-функциональный процесс как эволюцию структуры и эффективности функционирования региона по отношению к обществу (Лапин, Беляева, 2010, с. 9; Лапин, 2018, с. 6–7).

Учитывая многообразие трактовок понятия «трудовая активность населения», выдвигаемых в современной научной литературе, существует необходимость дать его интерпретацию в контексте представленной работы. В силу многогранности и многокомпонентности самого феномена трудовой активности представляется возможным понимать ее как общую характеристику возможностей социальных акторов (индивидов и социальных общностей, групп) в реализации трудовой деятельности, включающую как активность сознания, направленную на формирование мотивации трудовой деятельности, так и активность поведения, связанную с включенностью в сферу труда и занятости, осуществлением трудовой деятельности. В развитие антропосоциетального подхода к исследованию региональных сообществ в данной работе предлагается понимать трудовую активность населения в контексте взаимосвязи социетально-функционального и антропосоциетального процессов. В социетально-функциональной проекции в качестве ключевой составляющей трудовой активности рассматривается структура занятости населения, отражающая включенность занятых в экономике в отдельные виды экономической деятельности и сектора экономики, которая, с одной стороны, результирует структурную трансформацию региональной экономики на определенном этапе эволюции региона, с другой стороны, характеризует трудовую деятельность населения в рамках социально-территориального сообщества. В свою очередь антропосоциетальный ракурс рассмотрения трудовой активности на-

селения проявляет такую ее составляющую, как мотивация труда, которая включает трудовые ориентации, предпочтения, установки, определяющие отношение индивидов к характеристикам их занятости, работы, трудовой деятельности и выполняющие роль ценностно-мотивационных регуляторов трудового поведения.

Из числа предложенных в типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России» показателей в работе для анализа и характеристики состояния и динамики структуры занятости населения макрорегиона и регионов использованы данные государственной статистики по численности занятых в экономике, уровню занятости населения, в т. ч. трудоспособного, структуре занятости по видам экономической деятельности и формам собственности организаций и предприятий; для измерения и оценки трудовой мотивации населения – результаты репрезентативного социологического опроса по вопросам типовой анкеты о типе предприятия (организации) желаемой основной работы и предпочтительных характеристиках работы в ситуации ее выбора. При этом данные опроса о желаемом типе (форме собственности) места основной работы позволяют сделать выводы о предпочтении основной занятости в государственном или частном секторе экономики, эмпирические данные о выборе желаемых характеристик работы – об ориентированности на рыночные или нерыночные мотивы трудовой активности. Согласно принятой в рамках научной программы исследовательской традиции, предлагаемые респонденту в качестве отдельных вариантов ответа пять мотивационных установок на определенную работу разделены на две группы: о нерыночных мотивах труда свидетельствует выбор «небольшого, но твердого заработка и уверенности в будущем дне», «небольшого, но твердого заработка», «небольшого заработка, но большего свободного времени»; о рыночно-ориентированных трудовых мотивах – выбор ответов «много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее», «иметь собственное дело, вести его на свой

страх и риск». Для описания категорий респондентов, различающихся трудовыми ориентациями, используется характеристика их социального состава в поселенческом (городское – сельское население), возрастном (молодежь (18–29 лет), среднее (30–49 лет) и старшее поколение (50 лет и старше)), гендерном (мужчины – женщины) и образовательном аспектах.

Применительно к современным российским реалиям исследование трудовой активности населения необходимо осуществлять с учетом региональной специфики, которая определяется зависимостью структуры занятости населения от специализации региональной экономики, сложившейся в регионе системы профессионального образования и других факторов. При этом данную проблематику следует рассматривать на уровне как отдельных регионов, так и макрорегионов.

Учитывая имеющуюся в научной литературе неоднозначность понимания региона и особенно макрорегиона (Пасовец, 2015, с. 39–41), Центральное Черноземье рассматривается нами в качестве российского макрорегиона, образованного Центрально-Черноземным экономическим районом, а субъекты Федерации, входящие в его состав (Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Тамбовская области), – как регионы. В экономическом плане специализация Центрального Черноземья связана с производством сельскохозяйственной продукции, в ряде регионов – с производством востребованных рынком ресурсов: металлов, электроэнергии и других полезных ископаемых. Так, например, в Курской области развиты добывающая промышленность (ведется добыча и обогащение железных руд Курской магнитной аномалии) и электроэнергетика (выработка электроэнергии на Курской атомной электростанции). Это дает основания для обозначения его как макрорегиона агропромышленной направленности.

Эмпирическую базу исследования составляют данные государственной статистики и результаты массового опроса населения, проведенного нами в сентябре – октябре

2020 года в Воронежской, Курской и Липецкой областях (N = 1200 человек) на основе единой методики и процедуры опроса, равномерного размещения выборки (в каждом из регионов опрошено по 400 человек)¹. Опрос осуществлялся среди взрослого населения (от 18 лет и старше) регионов методом полустандартизированного (полустандартизированного) интервью. Выборочная совокупность исследования формировалась как стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов выборка. Контролируемые признаки выборки – тип поселения (городское – сельское население), пол и возраст. Ошибка по одному контролируемому признаку не превышает 3%. Таким образом, организация и проведение полевого исследования осуществлялись на основании типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России» (модификация – 2015 год) с учетом дополнительных параметров и индикаторов.

Так как опрос проводился между первой и второй волнами пандемии новой коронавирусной инфекции, возникает необходимость пояснить свое мнение по поводу возможного влияния сложной эпидемиологической обстановки на содержание трудовых предпочтений и мотивов населения. Важно принять во внимание, что подобное влияние сложно оценить в рамках одного исследования, с точки зрения социологии требуется несколько повторных исследований по единой методике на этом же эмпирическом объекте. Поскольку осуществлено разовое полевое исследование по единой методике в трех регионах Центрального Черноземья и его методика не предусматривала ретроспективной оценки респондентами влияния пандемии на их предпочтения, то в работе полученные данные анализируются без оценки их возможных изменений под воздействием фактора пандемии. Хотя с учетом имеющихся данных об относительной устойчивости иерархии трудовых предпочтений и мотивов населения Курской области как одного из регионов, включенных в эмпирический объект исследования, полу-

¹ Социологический опрос проведен в рамках научного проекта РФФИ № 18-011-00739.

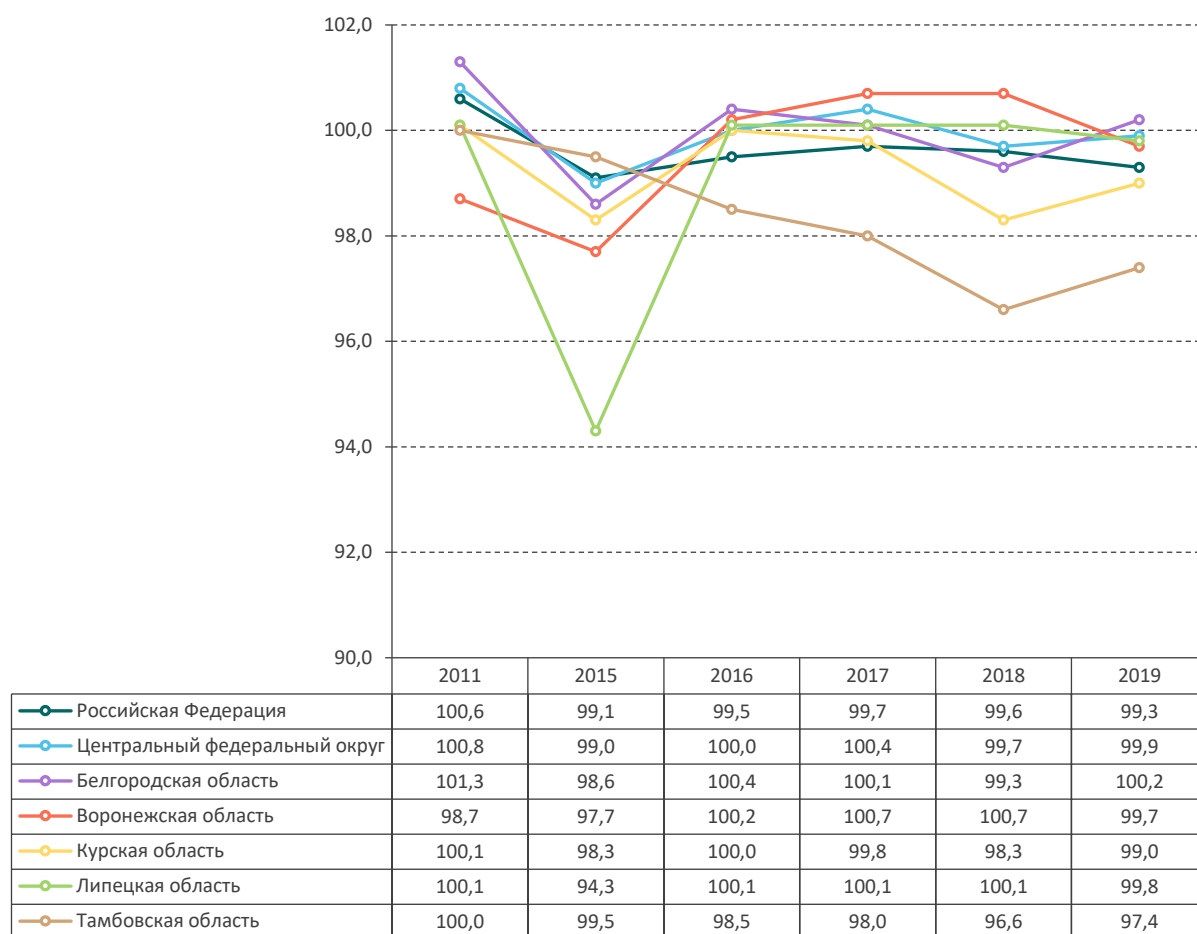

Рис. 1. Динамика среднегодовой численности занятых в регионах Центрального Черноземья в 2011–2019 гг., % к предыдущему году

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 120.

ченных автором в рамках регионального социологического мониторинга в 2007–2018 гг. (Пасовец, 2018), можно полагать, что у большинства населения сформированные трудовые предпочтения как элемент внутренней экономической культуры оказались относительно резистентными и более устойчивыми к резким изменениям даже в первое полугодие сложной эпидемиологической ситуации.

Результаты исследования и их анализ

В последние годы в большинстве регионов Центрального Черноземья, как и по России и Центральному федеральному округу в целом, численность занятых в экономике сокращается (рис. 1). Так, по сравнению с 2010 годом к 2019 году в Воронежской области средне-

годовая численность занятых уменьшилась с 1158,9 до 1106,4 тыс. человек (или на 4,5%), в Курской – с 546,4 до 505,5 тыс. человек (-7,5%), в Липецкой – с 594,5 до 565,1 тыс. человек (-5%), в Тамбовской – с 504 до 454,1 тыс. человек (-9,9%). В 2019 году в России она включала 71064,5 тыс. человек, несколько сократившись относительно 2010 года (71493,1 тыс. человек). Среди областей Центрального Черноземья по этому показателю исключение составляет Белгородская область, где, несмотря на колебания по годам, в целом за период 2010–2019 гг. численность занятых незначительно увеличилась (с 749,8 до 754,1 тыс. человек²).

В настоящее время в регионах Центрального Черноземья отмечается достаточно высокий уровень занятости населения. В 2019 году он находился в пределах

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 118.

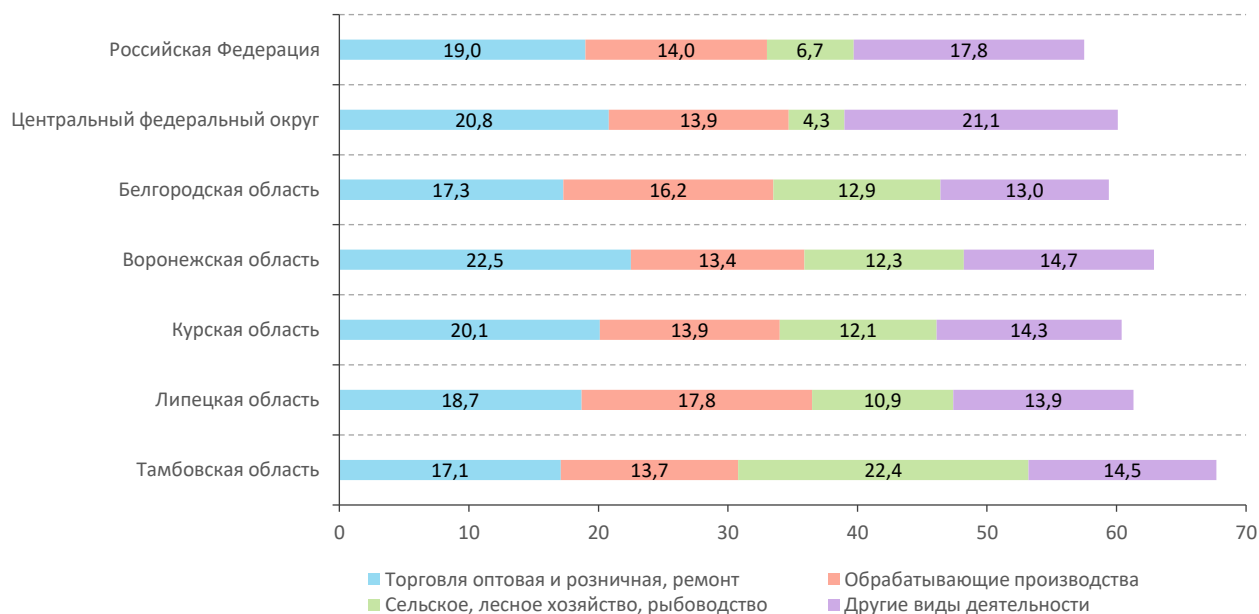

Рис. 2. Структура занятости по видам экономической деятельности в регионах Центрального Черноземья в 2019 году, % от общей численности занятых

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 166.

от 54,1% (для Тамбовской области) до 61% (для Белгородской области). Эти значения близки к показателям уровня занятости населения по России в целом и ЦФО (59,4 и 62,3% соответственно³). При этом во всех областях рассматриваемого макрорегиона уровень занятости городского населения выше (от 55,7% в Тамбовской области до 62,7% в Белгородской области), чем сельского населения (от 50,2% в Воронежской области до 57,5% в Белгородской области). Занятых в экономике больше среди мужчин (от 63,2% в Тамбовской области до 69,8% в Белгородской области), чем среди женщин (46,6 и 53,7% в соответствующих регионах). Эти же характеристики структуры занятости населения по типу поселения и полу свойственны для России в целом и ЦФО⁴. Что касается уровня занятости населения в трудоспособном возрасте (мужчин 16–59 лет и женщин 16–54 лет без учета увеличения возраста выхода на пенсию), то в регионах Центрального Черноземья он достигает около 80% от числа данной категории: в 2019 году наибольшее значение этого показателя ха-

рактерно для Липецкой области (82,9%), наименьшее – для Тамбовской области (76,8%). В России в целом уровень занятости трудоспособного населения составляет 78,3%, в ЦФО – 82,3%⁵.

В большинстве регионов Центрального Черноземья основная часть занятого населения сосредоточена в сферах оптовой и розничной торговли, ремонта; обрабатывающих производств; сельского хозяйства и других видов экономической деятельности (рис. 2). С одной стороны, такая структура занятости обусловлена сложившейся экономической специализацией региональных экономик в Центральном Черноземье, которая имеет агропромышленный характер и связана с производством сельскохозяйственной продукции и ресурсов. В 2019 году в большинстве регионов Центрального Черноземья доля занятых в сельском хозяйстве и смежных с ним отраслях составляла более 10% от всех занятых в экономике, в Тамбовской области этот показатель значительно выше – 22,4%. Сохранение агропромышленной специализации регионов

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 182.

⁴ Там же. С. 184.

⁵ Там же. С. 183.

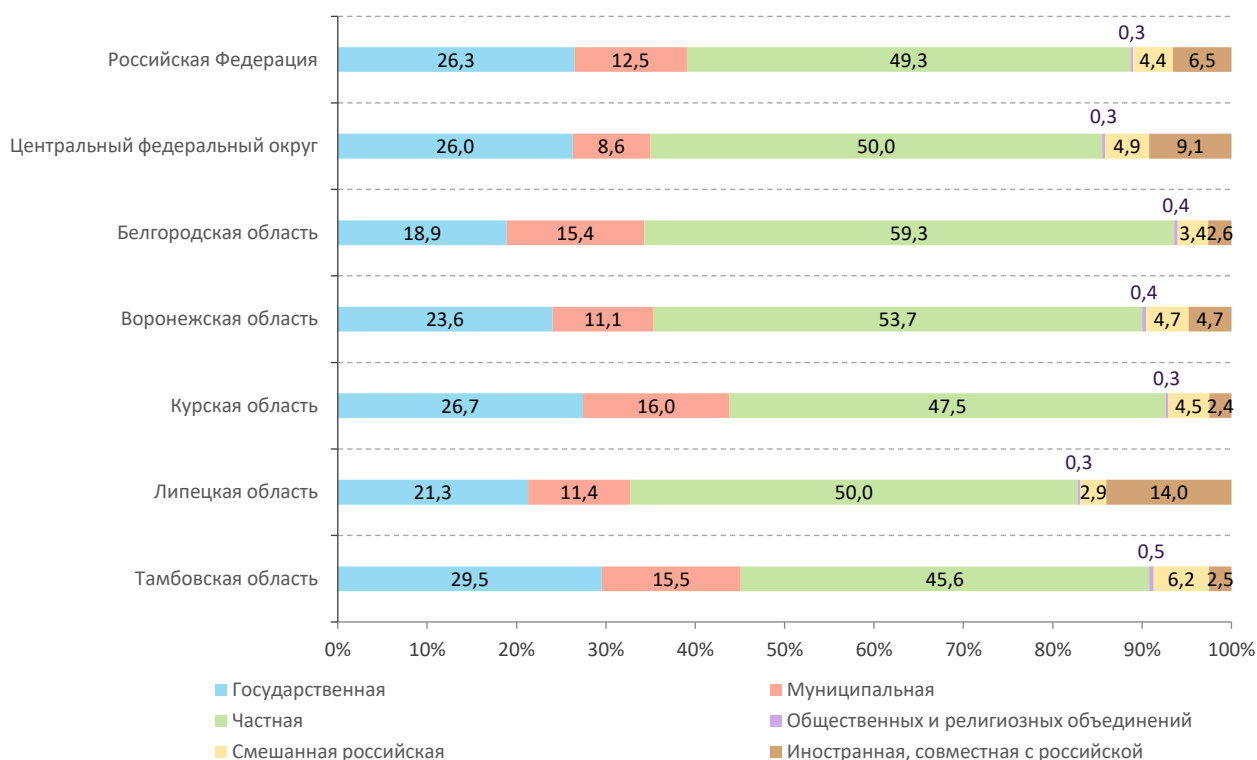

Рис. 3. Структура занятости по формам собственности в регионах Центрального Черноземья в 2019 году, % от общей численности занятых

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 175.

Центрального Черноземья до настоящего времени определяет достаточно высокую долю занятых в аграрном секторе региональных экономик по сравнению с Россией в целом и ЦФО, где занятость населения в этой сфере ниже и охватывает 6,7 и 4,3% от числа занятых в экономике соответственно.

С другой стороны, процессы вторичной модернизации, связанные с изменением пропорций аграрного, индустриального секторов и сферы услуг в широком смысле в структуре занятости и вкладе в добавленную стоимость, несмотря на их неоднородность в российских регионах (Атлас модернизации России..., 2016), привели к формированию значительной доли занятых в сфере оптовой и розничной торговли, ремонта в регионах Центрального Черноземья. По данным 2019 года (см. рис. 2) их численность составляет около 20% от всех занятых. Схожие показатели характерны для России в целом (19%) и ЦФО (20,8%).

При этом большая часть занятого населения Центрального Черноземья работает в частном секторе экономики. В 2019

году в организациях и на предприятиях частной формы собственности было занято от 45,6% (в Тамбовской области) до 59,3% (в Белгородской области) среднегодовой численности всех работников (рис. 3). Вместе с тем в регионах Центрального Черноземья численность работников государственных и муниципальных учреждений также составляет значительную, но несколько меньшую долю: в Белгородской, Воронежской и Липецкой областях она охватывает примерно третью часть занятых в экономике (34,3, 34,7 и 32,7% соответственно), в Курской и Тамбовской областях – более 40% (42,7 и 45% соответственно). Подобный профиль структуры занятости населения по формам собственности организаций и предприятий характерен и для России в целом, и для ЦФО, где доля занятых в частном секторе экономики больше, чем доля работников государственной и муниципальной сферы.

Если учитывать структурную трансформацию российской и региональных экономик, то к 2000 году пропорции заня-

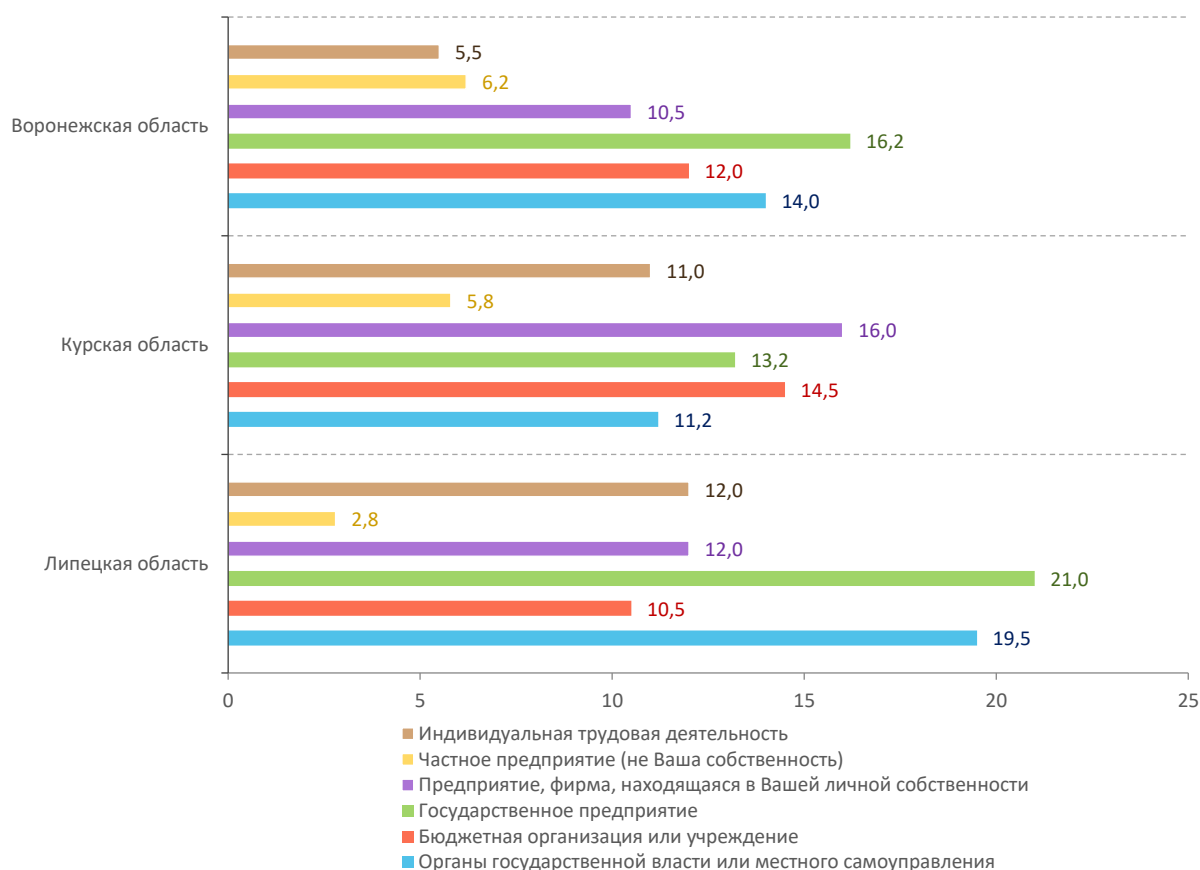

Рис. 4. Тип предприятия (организации) желаемой основной работы для населения регионов Центрального Черноземья, % от числа опрошенных

Источник: результаты опроса.

тости населения в государственном и частном секторах изменились как в регионах Центрального Черноземья, так и в России в целом. С этого времени в макрорегионе превалирует занятость населения в частном секторе экономики, несмотря на увеличение численности занятых в организациях государственной и муниципальной формы собственности в 2015–2016 гг.⁶ В условиях развития рыночной экономики перспективы динамики структуры занятости по формам собственности организаций и предприятий связаны с расширением занятости в частном секторе (работа по найму на частных предприятиях, самозанятость и предпринимательская деятельность).

В этом плане важно обратиться к рассмотрению трудовых предпочтений жителей Центрального Черноземья, имеющих ключе-

вое значение в ценностно-мотивационной регуляции трудового поведения. Раскрыть этот аспект трудовой активности населения макрорегиона позволяют результаты массового опроса, проведенного нами в 2020 году.

Как свидетельствуют данные социологического опроса (рис. 4), для многих жителей Воронежской, Курской и Липецкой областей характерно желание работать в государственных и муниципальных организациях и на предприятиях по основному месту работы, что можно отнести к нерыночной мотивации труда. Такое стремление отмечают у себя 44% опрошенных по макрорегиону; при этом среди жителей Липецкой области таких респондентов оказалось несколько больше (51%), чем среди курян (38,9%) и воронежцев (42,2%). Для многих представителей данной категории наиболее предпочти-

⁶ Регионы России: стат. сб.: в 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. М., 2001. С. 86; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 138–139; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 187.

тельной является основная занятость на государственных предприятиях, для меньшего числа – работа в органах государственной власти или местного самоуправления либо в бюджетных организациях.

Интересен тот факт, что в масштабах макрорегиона основной занятости в государственном секторе экономики и бюджетных организациях отдают предпочтение примерно равные доли как среди городского населения (45% от его числа по общей выборке), так и среди сельских жителей (43,3%). Такая трудовая ориентация характерна не только для многих представителей среднего и старшего поколений (42 и 46,5% от числа соответствующих категорий по всему массиву), но и для значительной части молодежи (40,3%). Вместе с тем предпочтение основной занятости в государственной и муниципальной сфере преобладает среди женщин (49,5% от числа категории) и лиц с высшим и средним профессиональным образованием (50,4 и 40,7%), а также со средним общим образованием (39,2%). При этом среди женского населения макрорегиона в два раза больше тех, кто хотел бы работать в бюджетных организациях (15,9% от числа категории), чем среди мужчин (7,6%).

Примерно четвертая часть жителей макрорегиона (27,1%) хотели бы работать в организациях и на предприятиях частной формы собственности: по найму, стать предпринимателями или самозанятыми. В Курской области доля лиц с рыночной мотивацией занятости незначительно выше (32,8%), чем в Воронежской (22,2%) и Липецкой (26,8%) областях (см. рис. 4). Обращает на себя внимание тот факт, что для жителей Центрального Черноземья и его регионов наименее предпочтительной формой занятости выступает работа по найму в частном секторе экономики, в этом отношении не проявляется значимых поселенческих, половозрастных или образовательных различий.

Тем не менее стоит отметить, что доля городского населения, предпочитающего основную занятость в частном секторе экономики, составляет 30,5%, что несколько

больше, чем среди проживающих в сельской местности (20,4%). Среди представителей молодого и среднего поколений доля лиц с такой трудовой ориентацией достигает третьей части (35,6 и 31,3% от числа соответствующих категорий), в то время как среди старшего поколения она составляет только пятую часть (20,9%). Также 37,6% лиц с начальным профессиональным образованием хотели бы работать в частном секторе, что значительно больше, чем среди групп с другим уровнем образования (26,2% от числа лиц со средним профессиональным образованием, 28,6% – с высшим образованием). У мужчин доли ориентированных на основную занятость в государственном и частном секторах примерно равны (36,9 и 31,6% соответственно), однако только пятая часть женщин (23,4% от числа категории) предпочтет работу в сфере бизнеса, либо по найму, либо в роли предпринимателя.

Наряду с этим в проективной ситуации выбора работы около половины жителей Центрального Черноземья (48,8% по общей выборке) предпочтут невысокую, но твердую заработную плату и уверенность в будущем: в Воронежской области – 52,5%, в Курской области – 48,0%, в Липецкой области – 45,8%. Также определенная часть жителей макрорегиона (7,5% по всему массиву) делает выбор в пользу небольшой и твердой оплаты труда: среди воронежцев их доля составляет 6,3%, среди курян – 7%, среди липчан – 9,3% (рис. 5). Такая «твердость» заработка связана со стабильностью выплат, в большей степени характерной для постоянной занятости, обеспеченностью труда социальными гарантиями и регулярной фиксированной оплатой, что для многих жителей оказывается значимым параметром работы даже при условии низкого размера заработка. Однако незначительная доля жителей Центрального Черноземья (6,8% по общей выборке) отдает предпочтение работе, где будет больше свободного времени, несмотря на небольшой размер оплаты труда: в Воронежской и Липецкой областях их число достигает около 6%, в Курской области – 8,8%. Тем самым

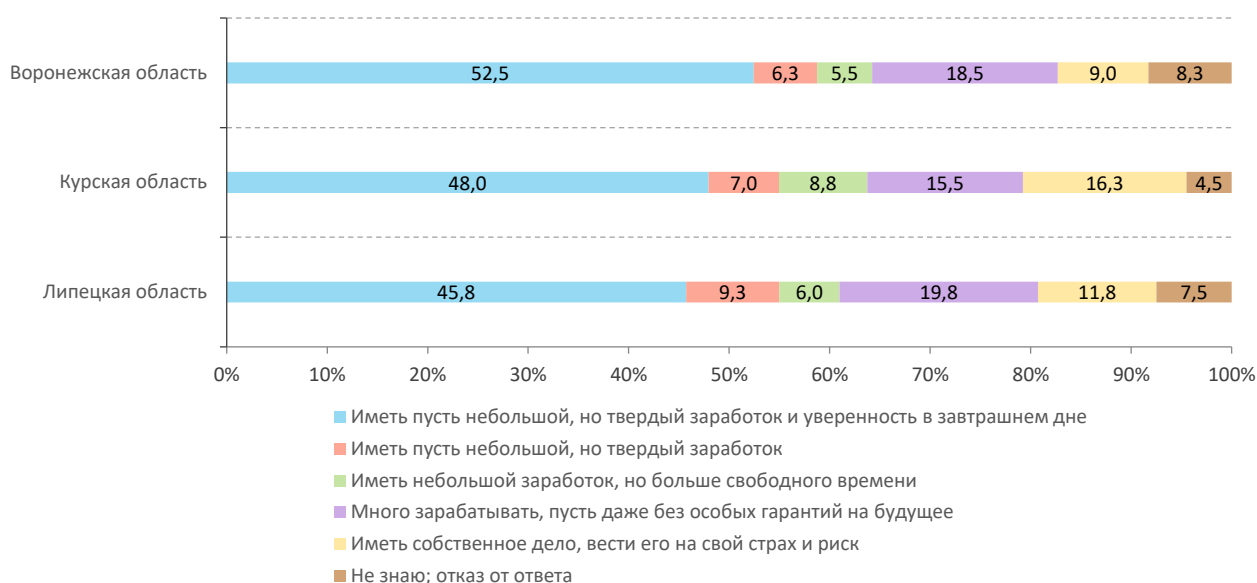

Рис. 5. Трудовые предпочтения населения регионов Центрального Черноземья, % от числа опрошенных

Источник: результаты опроса

предпочтения желаемой работы более чем у половины жителей макрорегиона (63,1% по всему массиву) определяются нерыночными мотивами трудовой активности, связанными с выбором невысокого заработка с условием его стабильности или значительно реже – с наличием большего объема свободного времени. При этом в данном аспекте не наблюдается существенных региональных различий: в Воронежской области доля лиц с нерыночными трудовыми мотивами составляет 64,3%, в Курской области – 63,8%, в Липецкой области – 61,1%.

На уровне макрорегиона в достаточно многочисленную категорию лиц с нерыночными мотивами труда входит основная часть представителей различных социально-демографических общностей, хотя лиц с такой мотивацией больше среди сельских жителей (71% от числа категории по общей выборке), чем городского населения (59%); в среднем и старшем поколениях (64,4 и 66,5% от числа соответствующих категорий), чем молодежи (49,2%); в числе женщин (67,6% от числа категории), чем мужчин (58,1%). Состав этой категории по уровню образования также достаточно разнообразен: нерыночным мотивам труда отдает предпочтение большая часть лиц и со средним общим образованием

(62,3% от числа категории), и с различными уровнями профессионального образования (60,8% лиц с начальным профессиональным, 69% – средним профессиональным, 66,5% – высшим образованием).

Вместе с тем значительно меньшая часть населения макрорегиона обладает рыночной мотивацией трудовой деятельности, характеризующейся мотивами получать высокие доходы без гарантий на будущее либо организовать и вести собственный бизнес. Так, около пятой части жителей Центрального Черноземья (17,9% по общей выборке) хотели бы много зарабатывать даже при отсутствии гарантий на будущее: среди воронежцев их доля составляет 18,5%, среди курян – 15,5%, среди липчан – 19,8% (см. рис. 5). Предпочтение работы по найму с высоким размером оплаты труда, но, возможно, без стабильных выплат и социальных гарантий, отражает ориентацию на занятость в частном секторе экономики, где имеются возможности для получения более высоких доходов, но значимы риски неформальной занятости и нерегулярных выплат, зависящих от прибыли частного предприятия. При этом по макрорегиону более десятой части населения (12,4% по всему массиву) выражает желание вести предпринимательскую де-

тельность, иметь собственный бизнес и принимать на себя ответственность за соответствующие решения в условиях риска, однако здесь проявляются некоторые межрегиональные различия. В Воронежской области респондентов, ориентированных на предпринимательскую деятельность, только 9,0%, в Курской области – 16,3%, в Липецкой области – 11,8%.

В целом названные рыночные мотивы труда выбирает примерно третья часть жителей макрорегиона, внутри которой значительны доли горожан (34,5% от числа городского населения по всему массиву), молодежи (49,3% от числа категории), людей среднего возраста (31,5%), мужчин (36,2%). Вместе с тем данным трудовым мотивам отдает предпочтение только пятая часть сельских жителей (21,9%), примерно такое же число представителей старшего поколения (22,9%) и женщин (25,4%). В эту категорию включены жители макрорегиона с разным уровнем образования: среди лиц со средним общим образованием их 29,2%, начальным профессиональным – 27,5%, средним профессиональным – 24,7%, высшим – 29,6%.

Если построить типологическую модель трудовой мотивации населения макрорегиона на пересечении двух осей, заданных характером выбранных трудовых мотивов (рыночно-ориентированных и нерыночных) и предпочтений государственной или частной формы собственности предприятия (организации) основной работы (рассмотрев только валидные ответы), то у жителей Центрального Черноземья можно выделить несколько типов трудовой мотивации. Первый тип включает тех, кто ориентирован на основную занятость в государственном секторе экономики, бюджетных организациях и имеет нерыночные мотивы труда. Он охватывает около половины респондентов (46,5% от числа валидных ответов). Этот тип может быть назван патерналистским. Второй тип представлен теми, кто хотел бы работать в частном секторе, однако отдает предпочтение нерыночным мотивам труда, и они составляют пятую часть (20,7% валидных ответов). Данный тип отражает

направленность предпочтений на основную занятость в коммерческом секторе, обеспеченную стабильным небольшим заработком, поэтому его можно обозначить как смешанный (при этом оставляю за собой возможность уточнить название этого типа в дальнейшем). Примерно такую же долю (18,1%) в рассматриваемой модели имеет третий тип – рыночно-ориентированный, характеризующийся как ориентацией на основную занятость в частном секторе, так и рыночными мотивами труда. Четвертый тип, отличающийся амбивалентным характером трудовых предпочтений, включает тех, кто предпочел бы основную занятость в государственной и муниципальной сфере, но выбирает рыночные мотивы труда, – несколько более десятой части респондентов (14,7%). Полагаю, из всех перечисленных типов последний тип оказывается самым противоречивым в плане сочетаемости трудовых ориентаций, что может быть следствием несформированности однозначного отношения к формам занятости и предпочтительным характеристикам работы.

Корректно оценить степень распространенности среди жителей Центрального Черноземья выделенных типов трудовой мотивации можно, обратившись к их удельному весу не в представленной типологической модели, построенной на основании валидных ответов, а в общей выборке ответов респондентов на вопросы о желаемой основной работе и трудовых мотивах, содержащей и неинформативные в данном случае ответы (типа «не знаю» и т. п.), которые были исключены при построении модели. Так, доля первого (патерналистского) типа трудовой мотивации составляет около третьей части населения макрорегиона (32,2% по всему массиву), второго (смешанного) – 14,3%, третьего (рыночно-ориентированного) – 12,5%, четвертого (амбивалентного) – 10,2%.

Представляется возможным говорить о близости первых двух типов трудовой мотивации (патерналистского и смешанного), их общем фокусе на патерналистских ожиданиях

ях людей, связанных с обеспечением желаемых условий труда: стабильности заработка или значительно реже наличия свободного времени даже при условии небольшого размера оплаты труда. Полагаю, что в общественном сознании разграничение между этими типами связано с разным адресатом патерналистских устремлений. В первом случае достижение условий возлагается на государство, во втором – на частный бизнес, социальная ответственность которого перед работниками в этом случае должна возрастать, сокращая неформальный сегмент занятости населения и укрепляя трудовые гарантии наемного труда, повышая тем самым привлекательность работы по найму в частном секторе экономики. Указанные два типа трудовой мотивации охватывают около половины респондентов (46,5% от общей выборки), и, как было показано выше, нерыночные трудовые мотивы оказываются значимыми для 63,1% опрошенных по макрорегиону, что позволяет сделать вывод о преобладании у жителей Центрального Черноземья патерналистских трудовых ориентаций. Их доминантное положение в иерархии трудовой мотивации населения, полагаю, становится своеобразным ответом на усиление рисков на рынке труда в результате происходящих изменений и ожидания возможности рассчитывать на поддержку государства или работодателя в трудной ситуации, нивелировать социальную незащищенность.

На основании полученных результатов можно говорить об обнаружении у жителей разных областей внутри Центрального Черноземья как макрорегиона схожей иерархии трудовых предпочтений, за исключением некоторых межрегиональных различий в распространенности ориентации на организацию и ведение собственного бизнеса. В этом аспекте находит отражение оценка населением разных возможностей и условий для самозанятости и предпринимательской деятельности в отдельных областях макро-

региона. Если учитывать Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации, который отражает четыре направления, имеющие ключевое значение для предпринимательской деятельности: регуляторная среда, институты для бизнеса, инфраструктура и ресурсы, поддержка малого предпринимательства, то регионы Центрального Черноземья действительно существенно отличаются друг от друга по ряду условий для ведения бизнеса. Курская область характеризуется лучшими (в стране и макрорегионе) значениями по таким показателям регуляторной среды, как минимальная продолжительность времени по регистрации права собственности на недвижимое имущество и наибольшая степень удовлетворенности субъектами бизнеса от этой процедуры; а также по показателю доступности трудовых ресурсов. Регуляторная среда в Липецкой области отличается наименьшим сроком регистрации права собственности; инфраструктура и ресурсы – минимальным количеством процедур для постановки на кадастровый учет. Воронежская область лидирует в инфраструктуре и ресурсах по минимальному сроку для постановки на кадастровый учет, качеству телекоммуникационных услуг; в поддержке малого предпринимательства по недвижимости, необходимой для осуществления предпринимательской деятельности, а также консультационным и образовательным услугам для поддержки малого предпринимательства в области⁷. Однако регионы Центрального Черноземья не оказались в группах российских субъектов с доступной и достаточной финансовой поддержкой, эффективной финансовой поддержкой малого предпринимательства. В случае с оценкой инвестиционной привлекательности регионов материалы приведенного рейтинга могут быть дополнены субъективной картиной предпринимательского потенциала, построенной на основе выявленных трудовых предпочтений.

⁷ Сборник лучших региональных управленческих практик в сфере повышения инвестиционной привлекательности по результатам Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации 2018 года. 2018. М. С. 20–21, 46, 50–51, 59, 69–70.

Заключение

Таким образом, полученные результаты позволяют прийти к следующим выводам. В настоящее время трудовая активность Центрального Черноземья как российского макрорегиона, представленная в ее социетально-функциональной проекции занятостью населения, характеризуется достаточно высоким уровнем занятости населения, преобладанием занятости в сферах торговли, ремонта, обрабатывающих производств, сельского хозяйства, обусловленной экономической специализацией данной территории – агропромышленной специализацией, а также занятости в частном секторе экономики. Эти характеристики проявляют произошедшие качественные структурные изменения региональных рынков труда, связанные с рыночной ориентацией экономического развития страны и ее регионов, и обуславливают потребность в работниках, обладающих рыночной мотивацией и адаптивностью к дальнейшим изменениям на рынке труда.

Вместе с тем трудовая активность населения макрорегиона, репрезентированная в антропосоциетальной проекции трудовой мотивацией, отличается преобладанием патерналистских трудовых ориентаций (на занятость в государственном или частном секторе экономики и стабильный небольшой заработок) и в то же время незначительной распространенностью рыночных мотивов труда (с ориентацией на занятость в част-

ном секторе экономики и более высокую оплату труда). Трудовые предпочтения и ориентации большей части жителей макрорегиона оказываются рассогласованными с объективными тенденциями развития сферы труда и занятости, что проявляет необходимость развития у населения мотивации труда, отвечающей задачам экономического развития макрорегиона и его областей.

В связи с этим в систему приоритетов стратегического планирования социально-экономического развития регионов Центрального Черноземья необходимо включить ряд задач по регулированию трудовой деятельности и ее мотивации, разработать комплекс мер по эффективному достижению указанных целевых ориентиров. К числу задач можно отнести как повышение уровня занятости населения, так и формирование у трудоспособного населения мотивации трудовой деятельности, соответствующей экономическим перспективам макрорегиона и его территорий: готовности к росту производительности труда, позитивному отношению к samozанятости и предпринимательской деятельности.

Результаты проведенного исследования могут способствовать развитию теоретических представлений и накоплению эмпирических данных в области экономической социологии и социологии труда, региональной социологии; могут быть востребованы в работе органов управления, служб занятости.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы (2016): кол. науч. труд / сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир. 360 с.
- Бобков В.Н., Локтюхина Н.В., Квачев В.Г., Одинцова Е.В. (2017). Повышенные риски неустойчивой занятости для отдельных групп населения // Уровень жизни населения регионов России. № 4 (206). С. 36–44. DOI: 10.12737/article_5a3c34a2f347a6
- Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., Капелюшников Р.И. [и др.] (2017). Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой, С.Ю. Рощина. М.: НИУ ВШЭ. 148 с.
- Зазулина М.Р. (2019). Трансформирующийся патернализм и его пределы: о некоторых закономерностях в изменении структуры ожиданий сельского населения современной России // Вестн. Томск. гос. ун-та. № 441. С. 113–119. DOI: 10.17223/15617793/441/15
- Козырева П.М. (2015). Малое предпринимательство в России: повседневные проблемы и трудности развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 1 (37). С. 43–58. DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.3

- Лапин Н.И. (2018). Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. № 3. С. 3–14.
- Лапин Н.И., Беляева Л.А. (2010). Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН. 111 с.
- Пасовец Ю.М. (2015). Теоретико-методологические основания рассмотрения мезорегиона как объекта социологического анализа // Изв. Волгоград. гос. техн. ун-та. Сер.: Проблемы социально-гуманитарного знания. № 7 (167). Вып. 21. С. 39–43.
- Пасовец Ю.М. (2018). Влияние плюрализации форм собственности в экономике на занятость населения в российском макрорегионе // Личность, общество, власть: прошлое и современность: мат-лы XII Регион. науч. конф. Воронеж: Изд. дом ВГУ. С. 446–451.
- Сизова И.Л., Григорьева И.А. (2019). Ломкость труда и занятости в современном мире // Социологический журнал. Т. 25. № 1. С. 48–71. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6279
- Темницкий А.Л. (2015). Патерналистские основы российской цивилизации в сфере труда // Социологическая наука и социальная практика. № 2 (10). С. 51–69.
- Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Устинова К.А. (2017а). Трудовой потенциал современной России: старые тренды, новые вызовы // Общество и экономика. № 10. С. 79–94.
- Шабунова А.А., Попов А.В., Соловьева Т.С. (2017б). Потенциал женщин на рынке труда региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 1. С. 124–144. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.7
- Эфендиев А.Г., Гоголева А.С., Пашкевич А.В., Балабанова Е.С. (2020). Ценностно-мотивационные основы и реальность трудовой жизни российских работников: проблемы и противоречия // Мир России. Социология. Этнология. Т. 29. № 2. С. 108–133. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-108-133
- Alvarez-Alonso C., Rodriguez A.S., Debasa F. (2018). Labor market in China: Labor Rights, internal migration, and current trends. *Cadernos de Dereito Actual*, 10, 29–45.
- Colombi A.P.F., Krein J.D. (2020). Labor market and labor relations under the PT governments. *Latin American Perspectives*, 47 (2, s.i.), 0094582x19875713, 47–64. DOI: 10.1177/0094582X19875713
- Johari S., Jha K.N. (2020). Impact of work motivation on construction labor productivity. *Journal of Management in Engineering*, 36 (5), 04020052. DOI: 10.1061/(ASCE)ME.1943-5479.0000824
- Kalleberg A.L. (2020). Labor market uncertainties and youth labor force experiences: Lessons learned. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 688 (1, s.i.), 258–270. DOI: 10.1177/0002716220913861
- Purser G. (2019). Day labor agencies, «Backdoor» hires, and the spread of unfree labor. *Anthropology of Work Review*, 40 (1), 5–14. DOI: 10.1111/awr.12158
- Torres Marín A.J. (2020). Learning lessons from the economic crisis in self-employment. *Contemporary Economics*, 14 (1), 3–21. DOI: 10.5709/ce.1897-9254.329
- Westerman J. (2018). Unequal involvement, unequal attainment? A theoretical reassessment and empirical analysis of the value of motivation in the labor market. *Social Science Research*, 76, 169–185. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2018.08.007

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юлия Михайловна Пасовец – кандидат социологических наук, доцент, Курский государственный университет (Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33; e-mail: yulia_pasovets@mail.ru)

Pasovets Yu.M.

LABOR ACTIVITY OF THE POPULATION IN THE RUSSIAN MACRO-REGION IN THE CONTEMPORARY CONDITIONS

In the paper within the framework of anthroposociocultural approach to the study of regional communities we propose to consider labor activity of macro-region population in two projections: societal-functional – as employment of population and its structure and anthroposocietal – as labor motivation. The purpose of the study is to identify and analyze the specifics of the structure of employment and labor motivations of the population of the Russian macro-region, their coherence in the case of the Central Black Earth region. The originality of this problem formulation and solution is associated with an appeal to the analysis of the Russians labor activity at the level of this macro-region and the regions included in it, the new empirical data introduction into scientific circulation and the determination the specifics of the population's labor motivation in the macro-region, its comparison with the objective trends of changes in the regional employment structure. The empirical basis of the study consists of data from state statistics and the results of a mass survey of the population conducted with the personal participation of the author in September – October 2020 in the Voronezh, Kursk and Lipetsk regions (N = 1200 people) by semi-formalized interview. In the societal-functional projection of labor activity of the macro-region population the characteristics of employment structure stand out, due to the structural changes in the regional labor markets: predominance of employment both in the traditional for the Central Black Earth region areas of manufacturing and agriculture, and in trade, repair, as well as employment in the private sector of the economy. The labor motivation of the macro-region population, manifested in the anthroposocietal projection, is distinguished by the predominance of paternalistic labor attitudes (employment in the public or private sector of the economy and stable low wages) and an insignificant prevalence of market motives for labor (employment in the private sector of the economy and higher wages). This indicates a mismatch between subjective attitudes in the labor and employment sphere and objective trends in the development of this macro-region sphere. The acuity of this mismatch requires the development of a management measures set, and monitoring in further sociological research.

Labor activity, employment, labor motivation, region, macro-region, Central Black Earth Region, Russian society.

REFERENCES

- Lapin N.I. (2016). *Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problem* [Atlas of Modernization of Russia and its Regions: Socio-Economic and Socio-Cultural Trends and Problems]. Moscow: Ves Mir Publishers.
- Bobkov V.N., Loktyukhina N.V., Kvachev V.G., Odintsova E.V. (2017). Higher precarious employment risks for different social and demographic groups of population. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards and Quality of Life*, 4(206), 36–44. DOI: 10.12737/article_5a3c34a2f347a6 (in Russian).
- Gimpel'son V.E., Zudina A.A., Kapelyushnikov R.I. et al. (2017). *Rossiiskii rynek truda: Tendentsii, instituty, strukturnye izmeneniya* [The Russian Labor Market: Trends, Institutions, Structural Changes]. Moscow: HSE University.
- Zazulina M.R. (2019). A transforming paternalism and its limits: Some regularities in changing the structure of expectations of the rural population of modern Russia. *Vestn. Tomsk. gos. un-ta=Tomsk State University Journal*, 441, 113–119. DOI: 10.17223/15617793/441/15 (in Russian).
- Kozyreva P.M. (2015). Small business in Russia: Everyday issues and development constraints. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: Fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 1(37), 43–58. DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.3 (in Russian).

- Lapin N.I. (2018). Anthroposociocultural evolutionism – a metatheoretical principle of studying human communities. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 3, 3–14 (in Russian).
- Lapin N.I., Belyaeva L.A. (2010). *Programma i tipovoi instrumentarii “Sotsiokul’turnyi portret regiona Rossii” (Modifikatsiya – 2010)* [Program and standard set of tools “Sociocultural portrait of the Russian region” (Modification – 2010)]. RAS Institute of Philosophy. Moscow: IFRAN.
- Pasovets Yu.M. (2015). Theoretical and methodological foundations for considering the mesoregion as an object of sociological analysis. *Izv. Volgograd. gos. tekhn. un-ta. Ser.: Problemy sotsial’no-gumanitarnogo znaniya=Bulletin of the Volgograd State Technical University. Series Problems of Social and Humanitarian Knowledge*, 21, 7(167), 39–43 (in Russian).
- Pasovets Yu.M. (2018). The impact of ownership forms pluralization in the economy on employment in the Russian macroregion. In: *Personality, Society, Power: Past and Present: Materials of the XII Regional Scientific Conference*. Voronezh: Voronezh State University Publishing House.
- Sizova I.L., Grigor’eva I.A. (2019). Fragility of labor and employment in the modern world. *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological Journal*, 25(1), 48–71. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6279 (in Russian).
- Temnitskii A.L. (2015). Paternalist foundations of Russian civilization in workspace relations. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial’naya praktika*, 2(10), 51–69 (in Russian).
- Shabunova A.A., Leonidova G.V., Ustinova K.A. (2017). Labor potential of modern Russia: old trends, current challenges. *Obshchestvo i ekonomika=Society and Economy*, 10, 79–94 (in Russian).
- Shabunova A.A., Popov A.V., Solov’eva T.S. (2017). The potential of women in the labor market of the region. *Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny: Fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 10(1), 124–144. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.7 (in Russian).
- Efendiev A.G., Gogoleva A.S., Pashkevich A.V., Balabanova E.S. (2020). The values, motives, and work life reality of Russian employees: Problems and contradictions. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya=Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 29(2), 108–133. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-108-133 (in Russian).
- Alvarez-Alonso C., Rodriguez A.S., Debasa F. (2018). Labor market in China: Labor rights, internal migration, and current trends. *Cadernos de Dereito Actual*, 10, 29–45.
- Colombi A.P.F., Krein J.D. (2020). Labor market and labor relations under the PT governments. *Latin American Perspectives*, 47 (2, s.i.), 0094582x19875713, 47–64. DOI: 10.1177/0094582X19875713
- Johari S., Jha K.N. (2020). Impact of work motivation on construction labor productivity. *Journal of Management in Engineering*, 36(5), 04020052. DOI: 10.1061/(ASCE)ME.1943-5479.0000824
- Kalleberg A.L. (2020). Labor market uncertainties and youth labor force experiences: Lessons learned. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 688 (1, s.i.), 258–270. DOI: 10.1177/0002716220913861
- Purser G. (2019). Day labor agencies, «backdoor» hires, and the spread of unfree labor. *Anthropology of Work Review*, 40(1), 5–14. DOI: 10.1111/awr.12158
- Torres Marín A.J. (2020). Learning lessons from the economic crisis in self-employment. *Contemporary Economics*, 14(1), 3–21. DOI: 10.5709/ce.1897-9254.329
- Westerman J. (2018). Unequal involvement, unequal attainment? A theoretical reassessment and empirical analysis of the value of motivation in the labor market. *Social Science Research*, 76, 169–185. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2018.08.007

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuliya M. Pasovets – Candidate of Sciences (Sociology), associate professor, Kursk State University (33, Radischeva Street, Kursk, 305000, Russian Federation; e-mail: yulia_pasovets@mail.ru)